

ные районы этих стран, где многие из них не только столкнулись с цивилизацией, но даже впервые встретили людей, говоривших на другом языке. После окончания войны саамам позволили вернуться обратно, однако сделать это далеко не все.

Лишь в начале 70-х годов власти Норвегии, Швеции и Финляндии озаботились судьбой саамов. Не по собственной инициативе, разумеется. Среди полуассимилированных саамов оказалось несколько известных писателей и политиков, которые вступили в борьбу за права своего народа. Борьба эта, как и борьба новозеландских маори, оказалась успешной. «Нам повезло, — говорит Томас Балто. — Как бы ни относились к нам финны или норвежцы, но политкорректность для них — что для нас воздух». Буквально в течение нескольких лет саамы получили то, о чем не могли и мечтать, — автономию во всех трех скандинавских странах, собственный парламент, юрисдикция которого распространяется на всю территорию обитания саамов, свой герб, флаг, а главное, известность во всем мире. Саамский язык (на самом же деле около десятка диалектов, на которых говорят саамы Швеции, Норвегии и Финляндии) объявлен в этих странах государственным. Они официально признаны коренным населением северных районов соответствующих стран, обладающим особыми правами. Они единственные граждане стран ЕС, имеющие право охотиться без лицензии, начиная любой бизнес, они пользуются особыми льготами. «Когда я смотрю на все то, что происходит сейчас, я не могу отделаться от мысли о том, что власти трех стран просто замаливают свои грехи перед нами, — говорит господин Балто. — Впрочем, чем бы ни объяснялась щедрость властей, факт остается фактом. Еще несколько десятилетий назад наш язык и наша культура были на грани исчезновения. Казалось, еще год или два, и саамы станут такими же музейными экспонатами, как динозавры. Сейчас мы имеем возможность жить как хотим, говорить на своем языке и даже получаем за это деньги».

СПАСЕННЫЕ ДИКОСТЬЮ «Им повезло, что они такие дикие. Будь они хотя бы немного поспокойнее, и мы только читали бы о них в книжках», — говорит лондонский этнограф Саймон Кент о племенах, населяющих Андаманские и Никобарские острова в Индийском океане.

О существовании диких племен на островах было известно с древних времен, однако широкую известность низкорослые дикари получили благодаря Марко Поло, рассказавшем о людоедах с собачьими головами. Сам он их, разумеется, никогда не видел. Ведь со многими из них первый контакт был установлен лишь в конце XX века. Не видел их и сэра Артура Конан-Дойла, рассказавший тем не менее с необычайной точностью о «негритос» в своей повести «Знак четырех»: «... злобные, угрюмого вида люди, почти не поддающиеся цивилизации, но зато они способны на самую преданную дружбу... Они так злобны и ди-

ки, что все усилия английских властей приручить их всегда оканчивались неудачей. Они всегда были грозой потерпевших кораблекрушение. Захваченных в плен они обычно убивают дубинками с каменным наконечником или отравленными стрелами. Побоище, как правило, заканчивается каннибальским пиршеством».

Низкорослые «негритос», так называли их испанские и португальские мореплаватели, считаются одними из самых древних племен планеты и до сих пор живут в абсолютной изоляции. Попытки принести им цивилизацию всякий раз заканчивались плачевно для миссионеров — те немногие, кому удавалось спастись от копий и стрел «негритос», навсегда теряли желание повторить попытку.

Ничего в жизни «негритос» не изменилось после того, как Андаманские и Никобарские острова стали частью Британской империи. Англичане построили на островах несколько хорошо охраняемых фортов, пару тюрем, из которых заключенные, по понятным причинам, старались не бежать, и установили запрет на какие-либо контакты с аборигенами. Впоследствии этот запрет был подтвержден уже правительством независимой Индии.

«Не стоит думать, что британцы или индийцы понимали всю уникальность «негритос» или заботились об их безопасности. Скорее наоборот, запрет существует для того, чтобы уберечь чужаков от аборигенов», — утверждает доктор Кент.

Численность «негритос» невозможно определить точно. Как предполагают ученые, на островах проживает в общей сложности около полутысячи аборигенов, принадлежащих к трем-четырем племенам, живущим точно так же, как жили люди во времена каменного века.

После жуткого цунами, обрушившегося на Андаманские и Никобарские острова в декабре 2004 года, многие ученые предполагали, что племена «негритос» уничтожены. Делийский этнограф С. Калла и вовсе говорил о «непоправимом ущербе, нанесенном не только людям, но и антропологической науке», поскольку лишь наблюдая за племенами «негритос» ученые могли представить себе жизнь во времена палеолита.

Однако информация о гибели самых древних людей на Земле оказалась преждевременной. О том, что «негритос» живы, они сообщили миру самым естественным для себя способом — обстреляв копьями и стрелами вертолеты, отправленные их искать. А потом уже ученые сумели обнаружить «негритос» и при помощи современных поисковых средств.

«Мы очевидным образом недооценили способности этих людей, — говорит Ларс Шмидт, представитель одной из организаций, занимавшихся помощью пострадавшим от цунами. — Я не могу объяснить того, что произошло. Но по-видимому, еще до начала цунами люди просто ушли из своих хижин, расположенных на берегу океана, в глубь островов». ■

APARTHOPEOLOGICAL SURVEY OF INDIA, 1910

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «Ъ»

РАЗГОВОР ВОРОВ На давнишнем саммите «большой восьмерки» в канадском городе Калгари главными героями всех антиглобалистских демонстраций были индейцы. На демонстрациях и на антиглобалистских семинарах, каковые всякий раз устраиваются, чтобы подвести под демонстрации идеологическую базу, принято было говорить, что индейцы как-то особенно ущемлены глобализацией. Жаль только не принято было разъяснять, как именно индейцы ущемлены.

В аэропорту всякого приезжающего встречала первым делом надпись «Добро пожаловать в Канаду, вытирайте, пожалуйста, ноги». Потом всякий приезжающий общался с собакой-лабрадором, служившей офицером полиции и искавшей в сумках наркотики и продукты питания, которые провозить запрещено строже, чем наркотики. Наконец, всякий приезжающий наталкивался на лавку индейских поделок.

Пожилая индейская женщина сидела с совершенно отрешенным видом над деревянным лотком. В лотке лежала целая куча ловушек для снов с перьями и без перьев, множество амулетов на любой случай жизни, и к каждой ловушке для снов и к каждому амулету привязана была бирка, пояснявшая, что предмет, который вы держите в руках, изготовлен аутентичными индейцами в аутентичных мастерских и что предмет этот не игрушка.

— Что же это тогда, если не игрушка? — спрашивал я, рассматривая ловушку для снов.

— Это ловушка для снов, — невозмутимо отвечала индейская лавочница.

— Она, что же, действительно ловит сны?

— Только дурные сны, — поясняла женщина. — Дурные сны большие и толстые.

Они не пролезают в ячейки ловушки, если вы повесите ловушку над кроватью.

— А почему сны не могут облететь ловушку? — любопытствовал я.

— Их привлекают перья. Почему муха не может облететь липучку для мух.

В те четыре дня, которые длился саммит и сопровождавшие саммит демонстрации антиглобалистов, я разговаривал с индейцами столь же часто, сколь и безрезультатно. Я пытался спрашивать, каких именно изменений политики индейцы требуют от крупнейших мировых держав и транснациональных корпораций, но не получал внятных ответов.

Вот типичный пример такого разговора:

— Вы индеец?

— Да, дай доллар.

— Вы из какого народа? — мне объяснили, что невежливо употреблять в отношении индейцев слово «tribe» («племя»), а вежливо употреблять слово «nation» («народ»).

Индеец называл свой народ — предположим, абсолюка, — и спрашивал, протестую ли я против транснациональных компаний.

— Ну, в общем, протестую, — отвечал я.

— Тогда дай еще доллар.

Расставшись с очередным долларом, я пытался взамен выяснить, против чего именно мне следует протестовать, если я поддерживаю индейцев.

— Чего именно вы требуете от транснациональных компаний?

Индеец надолго задумывался и потом говорил:

— Пускай они выпустят из тюрьмы нашего Леонарда Пелтиера.

Леонард Пелтиер — это индейский писатель и правозащитник, которого американский суд посчитал террористом и преступником.

— Пелтиера держит в тюрьме американское правительство, — уточнял я. — Причем здесь транснациональные корпорации?

— Транснациональные корпорации, они и есть американское правительство.

Они добывают нефть, ты знаешь?

— Знаю, ну и что?

— Они добывают нефть, золото и алмазы. Они выкапывают из земли то, что не закапывали в землю. Это все равно как ты бы закопал клад у себя в саду, а я бы его выкопал. Меня бы тогда отдали под суд. И поэтому надо отдать под суд все нефтяные компании.

— Это совершенно нереально. К тому же, не понятно, как тогда станут ездить автомобили и чем тогда мы будем отапливать дома.

— Ты прав. У меня тоже есть отопление в доме, и у моего отца есть джип. Мы все воры. Мы добываем чужие клады.

— Что же, — спрашивал я, — делать?

— Тут уж ничего не поделаешь, — индеец вздыхал так тяжело, что казалось, он попросит сейчас еще доллар. — Мы все воры, и от этого мир погибнет.

— Как погибнет?

— Совсем.

— Когда?

— Скоро.

